

**Валентина
ДВИНСКАЯ**

г. Петрозаводск

Marie Luise Kaschnitz

НЕКОНЧАЮЩЕЕСЯ ЗНАКОМСТВО

Сколько бы раз я не обращалась к этой маленькой, давно стоящей у меня на полке книжечке, я всегда заново наслаждаюсь своеобразным эмоциональным коктейлем: смесью восторга и горечи, тревоги и надежды, раскаяния и жажды прощения. Очень маленькие тексты из маленькой книжечки заряжены способностью западать в душу и долго жить в мыслях и чувствах. В настоящее время, когда огромное количество людей жалуется на отсутствие живого общения и духовное одиночество, эти тексты могут становиться собеседниками, дающими пищу для размышлений, для бесед и дискуссий по телефону или в пространстве интернета с друзьями, единомышленниками, просто знакомыми, рождать неожиданные мысли, вызывать чувство озарения, но и горечь пессимизма.

Кто же этот человек, умеющий формировать наш душевный настрой? Позвольте предложить вам новое и, надеюсь, полезное знакомство. Этот человек – немецкая писательница Мария Луиза Кашниц (Marie Luise Kaschnitz) (1901-1974). Раздумывая сейчас о ней и её творчестве, я сожалею, что в то время, когда мы были современниками, я ничего о ней не знала, а теперь уже нель-

зя обратиться к ней с благодарностью, с вопросами, с поддержкой. Она родилась в дворянской семье в Карлсруэ (земля Баден-Вюртемберг, почти на границе с Францией), изучала книготорговое дело в Веймаре и Мюнхене. В 1925 г. вышла замуж за очень известного австрийского археолога и искусствоведа барона Гвидо фон Кашниц-Вайнберга (1890-1958), длительное время проводившего свои исследования по средиземноморской пластике в Риме и несколько лет возглавлявшего созданный там Немецкий археологический институт. Вместе с мужем, занимавшимся раскопками по всему миру, Мария Луиза побывала в Италии, Греции, Северной Африке, Египте, Турции. Она вступает в литературу ещё до Второй мировой войны, но получает известность уже после её окончания благодаря нескольким романам и в основном лирическим стихам, сборники которых выходят один за другим. И из этих произведений становится очевидной её попытка осмысления тем войны, фашизма и духовного состояния Германии в послевоенной обстановке. После смерти мужа в 1958 г. она возвращается в Германию, преподаёт в университете Франкфурта-на-Майне, где руководит кафедрой поэтики

им. И.В.Гёте, получает степень почётного доктора университета, продолжает писать и публиковаться, удостоивается многих литературных и общественных наград.

Смерть настигает её в Риме, но местом её упокоения, рядом с мужем, становится Болльшвейль в Брейсгау (Bollschweil/Breisgau), имение семьи Кашниц. В январе этого года исполнилось 120 лет со дня её рождения, а осенью будет почти полвека со дня смерти.

Я не ставлю перед собой задачу описывать жизненный и творческий путь М.Л. Кашниц, что потребовало бы целой книги. Мне хочется лишь обратить ваше внимание на немеркнущую актуальность её текстов. Имеющийся у меня сборник с названием «Ещё неясно» («Steht noch dahin») появился на свет в 1970 году, незадолго до её кончины, и содержит автобиографические размышления автора. Кажется странным, что Кашниц не слишком широко известна на родине в Германии, а у нас её знают, как правило, лишь специалисты-литературоведы, германисты или очень искушённые читатели. Может быть, её почти не переводили из-за того, что её произведения не блещут замысловатой фабулой, авантурными переживаниями и оптимизмом. По природе своей она философ, для которого привычка осмысливать каждое явление даже будничной повседневности в контексте глобальных событий всего человечества так же естественна, как дыхание. Скажу лишь одно: жанр того, чем мне сейчас хочется угостить вас, дорогие собраты-читатели, довольно необычен не только для наших русскоязычных книжников, но и для самих немцев. Кашниц всегда считалась писательницей элитарного толка. Она создаёт вещи глубокие, требующие философского настроения, читательской искущённости, раздумий о жизни и о себе, осмысления окружающей действительности. Признаемся, что далеко не всем людям это по вкусу. Именно поэтому её творчество и не получило широкой славы. У нас же ситуация осложняется ещё и тем, что есть трудности в переводе. Произведения, которые я осмеливаюсь предложить вам сейчас, опубликованные в вызвавшем моё восхищение сборнике, представляют собой стихотворения в прозе и притчи. Сам жанр стихотворений в прозе был, как известно, рождён во Франции, но мало распространён; у нас в России его выдающимся мастером был И.С.Тургенев. Ну, а притчи известны тысячи лет. Притчами изъяснялся Христос.

Эти тексты минимальны по объёму, невероят-

но просты по языку, но переводить их – это наслаждение, смешанное с огромной мукой: пока проникаешь в смысл, голову ломаешь. А без этого – никуда, потому что от степени проникновения в текст зависит выбор слов. Это как басовый или скрипичный ключ в музыке – сразу настраивает на нужный лад, диктует настроение и атмосферу. В имеющемся у меня сборнике всего 74 произведения, для удобства обсуждения я их пронумеровала, поэтому прошу не удивляться разбросу чисел. Несколько номеров смогли бы перевести, на мой взгляд, лишь такие гениальные поэты, как Ахматова или Пастернак: настолько сложна игра слов, что никак не найти адекватных средств. Но моё желание в данный момент очень скромно: познакомить вас, заинтересованных книголюбов, с творчеством Кашниц, а уж если оно вас захватит, то вы сможете взяться за изучение немецкого языка, чтобы самим всё прочитать в оригинале, потому что, за единичными исключениями, переводов этих произведений пока что нет.

Несколькими штрихами Кашниц направляет наше внимание на острые вопросы современности. Неизжитой остаётся тема фашизма, тема «великого времени», как именовали его в Третьем рейхе. Когда наступает время расплаты за совершённые преступления, их участники не желают признавать себя виновными (№26). К этому же примыкает и тема Холокоста, по сей день не потерявшая в Германии своей болезненности (№39). А когда умирают вожди, то люди, растерявшие способность думать самостоятельно, не умеют самоорганизовываться и не знают, как жить дальше (№44). К потере самостоятельного мышления ведёт, как правило, издавна сложившийся и ставший традицией мещанский образ жизни, подвергающийся жёсткой критике в немецкой литературе начиная с 18-го века. Образ классического обывателя, получившего нарицательное имя Михель, не только не канул в Лету, но продолжает благополучно жить в лице миллионов наших современников. Это люди с узким кругозором, которых ничто не интересует, кроме собственного маленького мирка и собственного благополучия (№28, 64), которые не способны на эмпатию (№16, 18), что иногда вызывается растущей технологичностью нашего мира, когда человек превращается в механический придаток чего-то и лишается способности рассуждать (№18). Привычка жить в своём личном ограниченном пространстве и боязнь выглянуть за его пределы предоставляет полную свободу

действий террористическим элементам, вызывая недоумение обывателей, не понимающих, что их образ жизни открывает дорогу террористам (№25, 45). В послевоенной Германии, пережившей разруху, голод, потерю близких, бездомность и отсутствие возможностей зарабатывать на себя и свою семью, а затем воспрянувшей из разрухи и в результате «экономического чуда» построившей новое государство, обыватели живут в довольстве, озабочены его сохранностью и не хотят поэтому смотреть по сторонам, предчувствуя, что могут увидеть там что-либо нежелательное, что может смутить их покой и заставить действовать вопреки своим привычкам (№2, 45). Однако капитализм, независимо от страны и эпохи, не теряет своей хищнической сущности и проявляет её в большей или меньшей степени (№6, 22, 7, 5). Очень удобно загнать население в «бараний рог» и делать деньги, ни на кого не оглядываясь и не выбирая методов. Только в результате жизнь либо теряет свою прелесть (№70, где приходит на ум аналогия с притчей о Неразумном богаче!), либо рождает эпоху нового одичания (№ 4). Молодёжь, родившаяся после войны и не испытавшая её тягот на собственном опыте, начинает проявлять интерес к политике, к событиям в мире, недовольство обусловленными капитализмом событиями, начинает организовываться на борьбу с явлениями, вызывающими её несогласие и возмущение. В 1960-е гг. в Германии стали нарастать экстремистские настроения. Впервые в парламенты земель удалось пройти неонацистам из Национал-демократической партии (НДП), требовавшим пересмотреть европейские границы. На деятельность НДП массовыми шествиями ответили западногерманские левые, в частности, внепарламентское оппозиционное движение, включающее большую часть студенчества. И хотя оно перестало существовать к 1970 году, а частично привело к догматизму и терроризму, оно в значительной степени подготовило демократизацию немецкого общества. Отражение этих событий и их последствий мы слышим в стихотворениях № 14, 27, 58, 60.

В начале 1970-х гг. оказалось, что инфляция растёт вместе с ростом безработицы. Этот факт со временем стал решающим для пересмотра концепций государственного регулирования экономики. Правительство и общество осознали, что экономическое развитие вызвало новые формы предприятий, обмена и распределения созданного богатства, выросло и усложнилось

потребление (№ 7). В этих условиях свободный рынок потерял свое исключительное значение в регулировании производства. Он не исчез, но новые центры принятия экономических решений его модифицировали. Новые реалии должны были найти отражение в государственной политике. Реакцией на волнения и терроризм становится так называемый «запрет на профессию»: такое название получил принятый в 1972 году указ о радикалах (официальное название – «Принципиальные основы членства государственных служащих в экстремистских организациях»). Он содержал инструкцию о приёме на государственную службу (в том числе на работу в школы и вузы), согласно которой претендент мог получить отказ, если не мог представить доказательств, что его взгляды соответствуют Основному закону (Конституции) ФРГ. Решающую роль для отказа играло членство в настоящее время или в прошлом в партии, союзе, общественной организации, признанной «враждебной», или сотрудничество с такой структурой. «Враги Конституции», уже состоящие на государственной службе, могли быть уволены (№ 2). Куда должны были деваться эти фактически выброшенные на улицу люди? «Указ о радикалах» перестал применяться лишь в 1980-е годы. Какое будущее предстоит гражданскому обществу в дальнейшем? Каким будет подрастающее поколение? Будет ли это поколение «потерянным» (№ 4), на всю жизнь напуганным из-за неразумности своих родителей (№ 14), фанатически отдавших свою жизнь терроризму (№ 27, 58), сможет ли оно усвоить гуманистические ценности, получая вывернутое наизнанку воспитание (№ 60)? Всё это ещё неясно, должны мы повторить вслед за Кашниц и основательно призадуматься. Есть ли выход из тех кризисов, которые мы своей неразумной деятельностью создаём на Земле? Потеряв Землю, остаёмся ли мы людьми, носителями классического гуманизма (№ 63, 49)? Несмотря на высказанные в стихотворениях мысли, в основном тяжёлые, на отсутствие явного оптимизма, Кашниц оставляет нам надежду на то, что ещё не всё потеряно, что «точка невозврата» ещё не пройдена, что у нас ещё есть шанс, потому что всё ещё живы прекрасные человеческие качества – сострадание, желание помочь, способность различать добро и зло (№ 1, 73, 57). Есть потаённый призыв более внимательно относиться к своим близким (№ 3), пока они ещё здесь, с нами; есть выражение гордости и восторга за человека и его возможности (№ 9), и, наконец, есть упование на то,

что люди снова начнут читать книги, так как, невзирая на огромные технические возможности, на наличие бесконечных гаджетов и пр., люди постигают гуманистическую культуру исключительно через книги (№ 68).

Ещё у меня есть просьба к читателям: обратите, пожалуйста, пристальное внимание на авторскую пунктуацию. Она далеко не случайна. В своём большинстве она исключает прямую речь и представляет собой сплошной поток сознания, пролетающие мгновенно мысли, их обрывки, иногда вдруг задерживая взгляд на какой-то одной детали. У Кашниц преобладают запятые, точки или вообще нулевая пунктуация. Хорошо, если бы вы почитали эти тексты вслух, не торопясь, вдумчиво и сочувственно.

Это очень несовершенный обзор помещаемых здесь стихотворений. Они наводят на многочис-

ленные параллели и сравнения, вызывающие желание читательской дискуссии. Эти маленькие произведения дают возможность некончающегося удовольствия, потому что поэзию нужно читать небольшими порциями, долго потом ощущая послевкусие, споря или соглашаясь с автором, примеряя авторскую позицию на события текущего дня. Если мы этим займёмся, мы обнаружим, пожалуй, слишком много совпадений. Как бы мне хотелось узнать о ваших впечатлениях, незнакомые друзья-читатели!

Сборник Марии Луизы Кашниц «Ещё неясно»

Переводы и примечания Валентины Двинской

№1. ЕЩЁ НЕЯСНО

Получим ли мы спасение, не испытывая мучений, умрём ли естественной смертью, будем ли снова голодать, копаясь в мусорных вёдрах в поисках картофельной кожуры, подвергнемся ли массовому изгнанию, – это мы повидали. Придётся ли нам ещё выучить тюремную «морзянку», подглядывать за ближним, стать объектом подглядывания для ближнего и плакать при слове «свобода». Сумеем ли мы, крадучись, вовремя добраться до чистой постели или найдём погибель при стократной атомной вспышке, удастся ли нам умереть, сохраняя надежду, – ещё неясно, всё ещё неясно.

№2. 1001 НОЧЬ

Первого я увидела перед универмагом Неккермана, второго – поблизости от кинотеатра «Метро им Шван», третьего у Старой Оперы, которая теперь, спустя двадцать пять лет после войны, снова восстанавливается. Первый висел так высоко, что его запросто можно было принять за работающего там мойщика окон. Что до второго, то видно было, как он качается, ветер разворачивал его – то к стене, то к улице, и тогда отчётливо был виден его вывалившийся язык. Третий висел на

одном из старых славных фонарей у Оперы и так низко, что людям, пробиравшимся через сугробы к своим припаркованным автомобилям, приходилось втягивать шеи, чтобы не коснуться его голых ступней. Но они делали это совершенно произвольно, разговаривали и смеялись при этом; казалось, никто, кроме меня, и не замечал, что также и в нашем городе есть повешенные.

№3. НОВОСТИ

Новости из старой части Рима касаются того, что там старики по ночам снова выбирают из окон своих чердачных комнатёнок и отправляются гулять, но не по карнизам и водостокам, а по воздуху. Домочадцы упрекают себя за то, что они недостаточно часто водили отца, мать, дедушку, бабушку на прогулки, на виллу Боргезе или в кино, испытывают также стыд, опасаясь, что однажды ночью прибудет пожарная команда и будет ловить стариков, как сбежавших из зоопарка обезьянок. Поговорить с отцами, дедушками, матерями, бабушками об их ночных путях, а тем более окликнуть их, когда они вылезают наружу, не отваживается никто: ведь они могут сорваться и разбиться о мостовую. Но всё же предпринимаются попытки положить конец этому их занятию: оконные ставни забивают гвоздями или

натягивают проволочные сетки на наружные отверстия, однако всё это нисколько не помогает; в какую-то ночь они снова в пути, спускаются по воздуху вниз по улице, в направлении St. Gesù, обмениваясь при этом репликами с людьми, допоздна засиживающимися на крышах-террасах. В один прекрасный день домочадцы сыты этим по горло, что ты там делаешь, с кем ты разговариваешь, разве ты не можешь лежать в постели, как и полагается. Отцы, дедушки, матери, бабушки улыбаются, делают вид, как будто ни о чём не знают; только вот ночью после таких разговоров они больше не возвращаются со своей прогулки, уходят всё дальше, у St. Gesù поворачивают за угол бог знает куда.

Примечание

Вилла Боргезе в Риме – фамильное наследие княжеской семьи Боргезе, архитектурно-природный комплекс в самом центре Вечного города и одно из самых посещаемых мест Италии. На территории парка расположены парковый комплекс в стиле английского ландшафтного дизайна; один из крупнейших парков Рима со множеством скульптурных памятников известным личностям, тихими скверами, фонтанами и павильонами, многие из которых восстановлены по чертежам XVII века. Главные достопримечательности: Галерея Боргезе, Вилла Медичи, театр «Глобус», Зоологический музей, Музей Карло Биллотти, Музей искусства этрусков, дом-музей Пьетро Каноника, Национальная галерея современного искусства.

St. Gesù – буквально: церковь Иисуса. В реальности: церковь Иль-Джезу, или в полном наименовании – церковь Святого имени Иисуса.

№4. ДЕТИ

Наконец я тоже увидела беспризорных детей. В руках они держали старые охотничьи ружья и палки, ручные гранаты болтались у них на поясе, большинство из них были босыми, кое-кто голым. Они бежали по заболоченным лугам Бонамеса, там, где когда-то протекала выправленная теперь Нидда. Когда они оказались ближе, я увидела, что их маленькие животы вздуты, а белок глаз пожелтел. Они спотыкались и подталкивали друг дружку вперёд, они высматривали камни, а кто находил лягушку, совал её заживо себе в рот. Я заслонила детям дорогу, заговорила, захлёбываясь и умоляя: пойдёте со мной, вам дадут поесть, вы будете спать под тёплыми одеялами. Дети не остановились, ручные гранаты били их по коленям, они прошли через меня, как по воздуху.

Примечание

Бонамес – один из городских районов Франкфурта-на-Майне.

Нидда – тамошняя река.

№5. В БАРАНЬЕМ РОГЕ

Видеть, согнувшись, в бараньем роге, куда тебя загоняют, ползти дальше и дальше в его роговых извилинах, от света в спиральную темноту, как будто там есть нечто для исследования, может быть, слышать что-то, подобное звону и гудению раковины, но только не шум моря, а ветер с пастбищных лугов в горах. В любом случае нечто, ради чего стоит делаться тоньше, тонким, как остриё иглы, и глухим ко всему миру, в который мы всё же снова вернёмся, но только не прежде чем удалимся от него насколько можно дальше, не прежде чем мы услышим гул, не тотчас.

Примечание

Вспомните выражение: согнуть/свернуть/скрутить кого-либо в бараний рог, т.е. строгостью, жестокостью подчинить, смирить кого-либо.

№6. ПЛОД ПРОСВЕЩЕНИЯ

Дважды английские войска прочесали остров Тасмания, последние жители были, в конце концов, загнаны на суда и высажены в шхерах, где их предоставили самим себе. Спустя десятилетия, когда маленькая кучка тасманцев, питавшихся птичьими яйцами, сократилась до нескольких человек, британские учёные вспомнили о погибающем племени. К острову был направлен корабль, однако в живых, кроме одной женщины, никого не осталось. Эта женщина, которой дали имя Лола, была доставлена в Лондон и выставлена там в клетке. Были измерены её кости, велось наблюдение за физиологическими функциями её организма. Поскольку никто не понимал её языка, она жила и умерла как животное.

Примечание

Со времени открытия острова голландцем Абе-лем Тасманом (1642 г.) он вплоть до 1901 г. был колонией Англии. Англичане истребили коренных жителей, заселив остров каторжниками и тюремщиками. На аборигенов англичане организовали настоящую охоту с санкции британских органов

власти: «Окончательное истребление в крупном масштабе могло быть осуществлено только при помощи юстиции и вооруженных сил... Солдаты сорокового полка загоняли туземцев меж двух каменных глыб, расстреливали всех мужчин, а потом вытаскивали женщин и детей из скальных расселин, чтобы вышибить им мозги». Если туземцы были «нелюбезны [непокладисты]», англичане делали вывод, что единственный выход из создавшейся ситуации – уничтожить их. На туземцев «беспреданно охотились, их выслеживали, как ланей». Тех, кого удавалось отловить, увозили. В 1835 г. был вывезен последний оставшийся в живых местный житель. Причем эти меры не были секретными, никто не стыдился их, а правительство поддерживало эту политику. В 1860 г. оставалось уже только одиннадцать тасманийцев. В 1876 году умерла последняя тасманийка Труганини, остров оказывается, по выражению английских официальных документов, совершенно «очищенным» от туземцев, если не считать ничтожного количества европеизированных метисов англо-тасманийского происхождения.

№7. ЖИТЬ МОЖНО

Бывает второй дом, второй автомобиль, «вторая прическа». Бывает второй муж, вторая жена, второй телевизор, портативный, его носят повсюду. Нет недостатка в развлечениях: для второго отпуска есть предложения посетить отдельные места далёких стран, можно вести охоту на иноземных животных. Да и повседневность прекрасна, мусорные вёдра через край полны бутылками от шампанского и упаковками от фуа-гра, потребление хлеба снижается. «Живут же люди», – сказал старый еврей, когда увидел движущуюся мимо чрезмерно пышную похоронную процессию.

Примечание

«Вторая прическа» – эвфемистическое, т.е. завуалированное, обозначение для слова «парик». Под «вторым мужем» или «второй женой» часто подразумеваются мужчина или женщина для сексуальных встреч.

№9. ПОПОКАТЕПЕТЛЬ 1968

Всё гонки, гонки, нет воздуха, гонки, гребля, нет воздуха, бег с препятствиями, толкание ядра, хрипенье в кислородной палатке. Разочарования, слёзы. Ливневые дожди, ветры под го-

лубым тихоокеанским небом, проигрыши, поднятые на мачте флаги, гремящие гимны, три подъехавших маленьких пьедестала, победный вопль со зрительских трибун и на прощание три-четыре огромных соломенных шляпы одна на другой – всё было, всё забыто, даже жестокие чуждые боги и горы с непроизносимыми названиями, только одно не забывается: прыжок в длину одного негра, невероятный прыжок, и он всё еще продлевает его, бросает своё тело, наше тело, невесомое, по воздуху, готовится к прыжку, летит, приземляется, готовится к прыжку, летит, приземляется, прыгает...

Примечание

Попокатепетль – действующий вулкан в Мексике. Название происходит от двух слов на языке науатль: попока – «дымящийся» и тепетль – «холм», то есть дымящийся холм.

Имеются в виду XIX Олимпийские игры 1968 года, впервые в жизни проводившиеся в Мексике. Это первые Олимпийские игры, проходившие на высоте 2240 метров над уровнем моря, что вызвало в мировой прессе волну сообщений о коварном высокогорном климате и тревогу тренеров и врачей. Мировой сенсацией стал прыжок в длину афроамериканского атлета Боба Бимона. При попутном ветре, не превышающем допустимую норму, он точно попал в планку после резкого и быстрого разбега. Когда на табло после длительного ожидания высветились цифры «8,90», публика долго не могла поверить. Дело в том, что автоматическая система измерений была рассчитана всего на 8,70 и пришлось искать обычную рулетку. Все участники соревнований были деморализованы: Боб Бимон сотворил чудо, побив рекорд в прыжке в длину сразу на 55 сантиметров, улетев на 8,90 метра... Его прыжок назвали «прыжком в 21-й век», он стал спортсменом года.

№14. С ДНЁМ РОЖДЕНИЯ

В одной буржуазной семье готовятся ко дню рождения чужого трёхлетнего мальчугана. Люди жалеют ребёнка, родители которого не живут вместе, увлечены политикой, отвергают и презирают все традиционные праздничные обычаи. Поэтому хозяева дома испекли пирог, поставили на стол маленькие свечки, положили рядышком пакеты со сладостями и игрушками. Видя эти приготовления, в особенности зажжённые свечки при зашторенных окнах, ребё-

нок, казалось, испугался до смерти. Дрожащими руками он сгрёб всё со стола, задул свечи, отодвинул их подальше, чтоб не достать и не видеть, и ещё долго после этого был растерян, как будто соприкоснулся с чуждой, несущей угрозу сферой жизни.

№16. ТЕАТРАЛЬНАЯ ПЛОЩАДЬ

В человека, подозреваемого в убийстве, но не избитого, укравшегося в последней городской руине, было выпущено шестьсот пуль, были вызваны даже танки. Он отстреливался и попал в полицейскую собаку, которую позднее фотографировали. О нём, обложенном со всех сторон, позднее говорили, что он, в конце концов, покончил с собой. Но ещё несколько дней после этого автомобиля, проезжая мимо этого места, притормаживали, а прохожие останавливались и глазили вверх на изрешечённую стену дома. «Вот и хорошо, – сказал некто, – он был ещё молод, а каждый день исправительной тюрьмы стоит довольно дорого, да пожизненно, подсчитайте-ка всё это, кто это должен оплачивать, – мы».

№18. ЧЕЛОВЕК

Некий человек – негр, за которым большая погоня, который бежит и бежит. Некий человек – полицейский, выполняющий свой долг, или девушка, которая говорит, что ей всё равно – выходить замуж или не быть выданной замуж. Некий человек – глазок в электронном микроскопе, резиновая рука в брюшной полости ближнего, усталость в октябре, палец на спусковом крючке. Человеком была и женщина, которая выудила своё подаяние из кружки для пожертвований в пользу Биафры и сказала, pardon, я подумала, что вы собираете на животных.

Примечание

Биафра – самопровозглашённое и частично признанное государство в юго-восточной части Нигерии, просуществовавшее в период 1967 – 1970 гг. До 70 % населения составляет народ игбо, исповедующий иудаизм.

Pardon (франц.) – извините.

№22. ENFANT INCONNU

Рождественские посылки, отправляемые королеве Англии, распаковываются, разумеется, не ею самой, приходит слишком много таких, ко-

торые содержат, например, вязаных «чайных баб», фотографии чистокровных лошадей, оленьи рога и клубни растений для королевских садов. В ящичке из Биафры ничего подобного не было, более того, был трупик маленького, погибшего от авиабомбы ребёнка, с которым мать разлучилась, чтобы положить его королеве Англии под ёлку – радостного Рождества, и ты виновата. Я спрашиваю себя, что случится с этим детским трупиком, забросают ли его землёй или же погребут в Вестминстерском аббатстве, что мне показалось бы славным, хотя и лицемерным: пэры в своих венцах, архиепископ Кентерберийский в мантии. Королевские дети, возлагающие свои букетики на детский гробик, позднее – могильный камень, неугасимая лампада, вероятно, вблизи уголка поэтов, ребёнок из Биафры, *Enfant inconnu*. Но возможно также, что этот ящичек уже давно отправили назад, а то ведь тут каждый может прийти и повесить на ёлку королеве что-нибудь, наполнить дом вонью, а при чём же тут королева.

Примечание

Enfant inconnu (франц.) – неизвестное дитя. Здесь, по-видимому, аллюзия на известное стихотворение Генриха Гейне *Enfant perdu* («Потерянное дитя») – принятое в армии Наполеона обозначение часового на передовых постах.

Биафра – часть Нигерии, государства, созданного Британской империей без учёта религиозных, этнических и культурных различий населения. В течение колониального периода британская политическая идеология делила страну на Север, Запад и Восток, в результате чего произошло усиление экономического, политического и социального соперничества между различными этносами. В 1960 г. страна получила независимость. Биафра – страна игбо, самого многочисленного народа современной Нигерии, стремившегося к обособлению от северян и самоуправлению. После двух с половиной лет гражданской войны, в течение которой почти два миллиона мирных жителей (из них четверть часть – дети) умерли от голода, вызванного полной блокадой региона правительством Нигерии, силы Биафры сдались под девизом «Не победитель, не побеждённый».

№25. АРЛЕКИНАДЫ

Дама восхищена арлекинадой, буйными бородами, длинными локонами мужчин, меховыми курточками, дедовскими сюртуками, цветоч-

ными гирляндами, высокими сапогами, золотыми цепочками – всем тем, что она считает протестом против однообразия, против санированного общества, а также славным островком дремучести, со змеями и сверкающими соцветиями, выдуманными для её удовольствия. Но вот когда вдруг кожаные куртки заворачивают за угол на своих рычащих мотоциклах, её тихо коробит, столь грубыми вещами она не интересуется.

Примечание

Арлекинада – итальянская комедия дель арте (dell'arte) с участием Арлекина (простак, увальня, слуга-хитрец; шут, паяц), с XVIII века дала начало европейскому ярмарочному театру, где есть пантомима, танец, песня. Получив распространение, слово стало означать «шутовство, балагурство».

№26. ИЗ ВЕЛИКОГО ВРЕМЕНИ

По словам обвиняемого, он приказал соорудить тростниковые загородки и за этими загородками выкопать трупы из массовых захоронений и сжечь их тут же на месте, завуалировав тем самым совершённое незадолго до окончания войны злодеяние. Попадающиеся украшения и зубные протезы задерживались при просеивании. Ни обвиняемый, ни другие господа не запятали себе этим руки. Арестанты и заключённые, которым надлежало выполнение этой работы, были после этого расстреляны все до одного. Обвиняемый действовал согласно приказу. Расстрел свидетелей показался ему бесчеловечным, но он ведь придерживается того взгляда, что король всегда прав.

№ 27. МУЗЕЙ

Я удивилась, увидев, что Музей, который и сегодня ещё называют Консерваторским дворцом, организован по совершенно новой системе, оснащён даже совершенно другими выставочными экспонатами. Вместо бюстов, торсов, рельефов времён римской старины там, на простых дощатых столах и на полках, можно было увидеть аккуратно препарированные отсечённые кисти рук и уши, вырванные языки, даже целые скелеты, обёрнутые обугленными остатками ткани. Как и раньше, экспонаты были датированы. Внимание школьников, с испугом и любопытством протискивающихся вперёд, их учителя обращали на особенно недавнюю дату (1968). Места находок, обнаруженных на всех континентах, были также тща-

тельно отмечены. Проходы между полками и столами образовывали некое подобие улицы с односторонним движением, так что никто не мог повернуть и тем самым уклониться от созерцания мерзостей. Наконец в одном из последних залов я всё же наткнулась на предмет, относящийся к старому Музею. Это была статуя играющего на флейте Марсия, с которого в наказание за его высокомерие артиста заживо была содрана кожа.

Примечание

Изначально под «консерваторией» (лат. conservare – сохранять) понимался приют для беспризорных детей (возник в Венеции), где их обучали грамоте и ремёслам. Постепенно обучение певческим искусствам стало занимать всё большее место, и слово изменило своё значение.

Студенческие волнения в Западной Германии 1968 года, возникшие в непосредственной связи с охватившим весь мир движением протеста против войны во Вьетнаме, являются важным этапом в истории ФРГ. «Поколение 1968» оказало значительное влияние на политическое сознание страны. Одной из групп в рамках этого движения стала созданная в 1968 году Андреасом Баадером (Andreas Baader) и Ульрикой Майнхоф (Ulrike Meinhof) террористическая организация «Фракция Красной Армии» (RAF), ответственная за ряд убийств и других кровавых событий 1977 года, вошедших в историю под названием «Немецкая осень».

Марсий (греч.) – по легенде, он нашёл флейту, брошенную Афиной, вызвал на состязание Аполлона и был им побеждён. За дерзость, которую позволил себе Марсий, Аполлон содрал с него кожу и повесил её на дереве в Келенах/Фригия. Кожа при звуке флейты трепетала. Известна статуя Марсия, протягивающего руку к двойной флейте, работы древнегреческого скульптора Мирона.

№ 28. ТАРАНТЕЛЛА

Ещё мои родители находили предместья Неаполя живописными. Им не мешало, что жители мест, заманчиво покоящихся над голубым заливом, спали по четыре человека в одной постели, у них нечего было есть, что вынуждало к воровству. Они не останавливали взгляд на признаках сифилиса и признаках безнадёжности и радовались, заслышав бубенчики тарантеллы. Я не хочу пускаться в путешествие в Индию (для чего у меня была бы возможность): эти известные мне по телепередачам изголодавшиеся существа, безумие в отношении не подлежащих убою священных коров

отравили бы мне всё удовольствие от экзотики. Однако при этом мне всё же удаётся держать по-дальше то, о чём я не хочу думать. Голод, нужда и несправедливость в мире не мешают мне спать.

№ 39. БАГАЖ БЕЖЕНЦЕВ

Сделать запасы, приготовить вещи, и всё это в большой спешке, время не ждёт. Всё это – в голубую полотняную сумку, но что всё? – муку и сало или библейские изречения, тёплое бельё или воспоминания, фотографии, на которые невозможно наглядеться досыта, на которые уже вдоволь нагляделись, книги, пластинки, которые когда-то любили, но которые давно больше не любят. Как всё это катится по городу, кругом одни только тележки из супермаркетов, нагруженные с верхом, то тут, то там что-то выброшено – ведь это было, собственно, совсем неважным – и заменено чем-то другим. Чего только не тащили тогда евреи на своём пути по улице Гёте, никаких телег, только тяжёлые ручные чемоданы, сверху помочь мужчине или женщине со звездой тащить всё это, помочь добраться до вокзала, может быть, помочь сесть в поезд. Конечно, человек ничего подобного не сделал, лишь бросил гневный ледяной взгляд на сопровождающего гестаповца, что за подвиг; в действительности же человека после этого пробирала дрожь, и он, трепеща от страха, уставился в витрины коврового магазина «Тебриз». Но большая витрина отсвечивала, и на фоне восточных дорожек видно было, как мимо тащились евреи, ещё в течение многих часов.

Примечание

Улица Гёте, названная в честь самого почитаемого немецкого поэта Иоганна Вольфганга фон Гёте, – это одна из самых роскошных торговых улиц Франкфурта-на-Майне. Благодаря своей длине в 280 метров она получила название «люкс–переулок».

Тебриз – название этой группы иранских ковров происходит от одноимённого города Тебриз в Иране, административного центра иранской провинции Восточный Азербайджан.

...со звездой – так называемая «звезда Давида», древний символ, шестиугольная жёлтая звезда, которую евреи в фашистской Германии и на подконтрольных ей территориях обязаны были носить на своей одежде как опознавательный знак «недочеловека».

№ 44. КУКОЛЬНИК

Старый кукольник умер, кричали куклы в своём шатком домике на Пинчо, Королева, Президент, хиппи, Гансвурст и Кокодрилл. Накопец-то мы можем двигаться как хотим, мы больше не будем барахтаться на проволочках, он больше не будет всовывать свои пальцы в наши ручки, а свой большой и средний пальцы и мизинец нам в голову. Представления, которые мы играем, не будут больше его изобретением, они не будут больше начинаться, когда он поднимет занавес, и оканчиваться, когда он его опустит. Он больше не сможет бросать нас в мусорный контейнер, когда мы отслужим свой срок, мы больше не его креатуры, даже не его любимые детища, у него нет больше власти над нами, он мёртв. Решив это, куклы вознамерились сыграть свою первую пьесу под названием «Похороны кукольника». Они шли за убогим сундуком, нанося ему время от времени сильные пинки. При этом они распевали насмешливые песни и проливали лицемерные слёзы, которые ни у кого не могли бы получиться лучше, чем у Кокодрилла. Эта пьеса так понравилась куклам, что они играли её непрерывно. Зрителям она также понравилась, но со временем они стали проявлять беспокойство. Им хотелось бы увидеть и что-нибудь другое.

Примечание

Пинчо – римский холм, недалеко от Квиринала, но не входящий в число классических семи холмов.

Королева, Президент – постоянные персонажи кукольных театров.

Гансвурст – кукольный персонаж ярмарочных представлений, аналог русского Петрушки.

Кокодрилл – Кашниц употребляет итал. *soccodrillo* (= крокодил) как имя персонажа.

№ 45. ДОСУГОВОЕ ПОМЕЩЕНИЕ

Мои сыновья, говорит господин Фаренкамп, довольно молчаливы. Я спрашиваю их о том о сём, ведь я не чудовище, меня интересует, о чём думает молодёжь, в конце концов, я ведь тоже был молодым. Как, по вашему мнению, будет выглядеть будущее, спрашиваю я, но не получаю ответа; либо мои сыновья сами этого не знают, либо же не хотят связывать себя какими-то высказываниями, пусть всё течёт как те-

чёт, безбрежным потоком, так сказать; честно говоря, мне это действует на нервы. О том, чего больше не должно быть, мои сыновья высказываются откровеннее, также и о том, кого больше не должно быть: учителей, судей, предпринимателей – всё это люди, большей частью демократических убеждений, создавшие наше государство из ничего, как, пожалуй, можно утверждать, и вот теперь благодарность. Прекрасно, говорят мои сыновья, но вы кое-что упустили, и я спрашиваю, что же мы упустили, ведь рабочие довольны, все люди здесь сыты и довольны, и что нам за дело до жителей Боливии. Кое-что вы упустили, говорят мои сыновья и отправляются вниз в помещение для хобби, которое я недавно для них оборудовал. Чем они там занимаются, я не знаю. Моя жена полагает, что они заняты поделками для Рождества.

Примечание

В период с 1825 по середину 1970-х годов в Боливии произошло около 200 переворотов. Очередной из них в 1952 году привёл к смещению олигархии, национализации оловянных рудников и созданию нового правительства под управлением Националистического революционного движения, однако экономика была развалена. Постоянные массовые волнения не прекращались, и в 1970-71 гг. рабочие Боливии активно выступали против правых сил, что, естественно, не улучшало общего положения жителей страны.

№49. ДИОМА

Первые, кто вернулся, вызвали удивление своими свежими голосами, хорошим внешним видом и нормальным поведением. Они хлопали нас по плечу, спрашивали, как тут дела на старушке-Земле, и явно были рады видеть нас снова. Их вопрос был риторическим: ведь они в курсе всего, что касается нас, точно так же, как и мы в курсе их жизни на космической станции. Мы знаем не только об их рабочих местах и их нескольких пустоватых, но удобных жилищах, но также об их искусственных садах, пластиковых ландышах с ароматом ландышей, газонах из пластика с запахом свежей травы. Даже и о круглой яме с компостом, денно и ночью охраняемой четырьмя космическими полицейскими и находящейся в центре их общественного сада. Мы сочувствуем этим бедным людям с их цветами из пластика и их компостной кучей и, конечно, уже давно раздумывали о том, чем бы их порадовать. Наконец

нас осенило, что сразу после прибытия их нужно повезти в лес. Лес находился довольно далеко, там были ещё одиночные озерца, обрывистые скалы и мягкий мох. Мы ожидали, что возвратившиеся испытают от этого восторг, что они, возможно, даже бросятся на землю и будут ворошить мох и сырые осенние листья, подбрасывая их вверх. Но они не сделали ничего подобного, а только постояли здесь и там, вежливо скучая. Затем они потребовали вернуться в город. Им не хотелось пропустить телепередачу с новостями оттуда. (Из дома, сказали они.)

№ 57. МЕТАФИЗИКА

Есть люди, которые не могут обойтись без метафизики, или, выражаясь яснее, без Бога. Они от него ничего не требуют и не ждут объяснений; чувственное представление (добрый Пастырь) они уже давно утратили. Они не ищут его ни в храме, ни в лесу. Скорее, в глазах своих ближних. Даже в глазах тех, кто Его отвергает? Именно там, да.

№ 58. КОНЧАЙТЕ ВЫНОСИТЬ НАМ МОЗГ

Мы это пережили: первые кирпичи, передаваемые «по цепочке», стена, которой здесь больше не было, а потом она снова появилась и стояла. Или же первая большая стеклянная витрина, в которой отражались облака, – чудо, и первый новый мансардный этаж среди руин, туда ходили вечером – один раз, два раза, три, смотрели на него, на стропила, на свежую красноватую древесину. Невозможно описать этот комок надежды в глотке, это удовлетворение в пустом желудке. Теперь же первые камни из стен или из мостовых выламываются и используются как метательные снаряды, теперь первые большие витрины разбиваются вдребезги, первое здание горит. Одно поколение не может передать следующему ничего, кроме дат; на старые фотографии наших искромсанных городов не хочет смотреть никто из молодёжи. Кончайте выносить нам мозг вашими грязными воспоминаниями, вашей сентиментальностью. Из мозга, в мозг, только собственный мозг накапливает то, что было, всему клеточному обновлению – вопреки.

№ 60. ПОСУДА БЬЁТСЯ К СЧАСТЬЮ

Я знакома с одним молодым отцом, который радуется, если его сын рычит на него или сбрасывает тарелку со стола, содержимое кото-

рой он должен был съесть, но он этого не хочет. Его мальчуган никогда не будет мучиться угрызениями совести, потому что нечистая совесть портит людей. Он никогда не должен думать, будто его отец – высшее существо, потому что из-за этого он сам превращается в существо низшее. Однажды, часто повторяет ему отец, ты станешь выше и сильнее меня. Ты будешь также умнее, потому что все дети умнее своих родителей. При этом отец думает о тайной информации, которая всасывается детьми вместе с воздухом, которая является для них само собой разумеющейся и которой они поэтому не могут гордиться. И, напротив, тарелка, лежащая в осколках на каменном полу, наполняет маленького мальчика гордостью: ведь он сломил волю своего отца и теперь он может быть великодушным.

№ 63. УДОВЛЕТВОРЕНИЕ

Киспытывает сердечное удовольствие при мысли, что благодаря космическим полётам происходит освоение новых территорий для жителей Земли. Она видит в этом возможность притушить воинственность людей и утолить их голод. Когда ей демонстрируют жуткую пустоту Луны, она полагает, что наверняка существуют и другие созвездия с растительностью и человекоподобными существами. Она летает с удовольствием, и каждый крутой старт реактивного самолёта вызывает в ней бурную радость конкистадоров. При этом она не мечтательница, знает толк в цифрах и имеет солидные технические знания. Она убеждена в том, что благодаря возможности вычислений, касающихся Космоса, он лишается своего мифического ужаса. Его вовлечение в управляемый человеком мир наполняет её не страхом, а удовлетворением. То, что Бог ежедневно отодвигается на шаг дальше, предоставляет ей большую свободу действий, больше места для веры.

№ 64. ТИХИЙ ДОМ

Тихий дом, вы говорите? Да, теперь это тихий дом. Но ещё совсем недавно это был ад. Над нами и под нами – семьи с маленькими детьми, представьте себе. Рёв и крик, бесконечные ссоры, топанье и шарканье маленьких разгневанных ножек. Поначалу мы только стучали палкой от швабры в пол и потолок. Когда ничто не помогало, мой муж звонил по телефону. Да, извините, говорили родители, у малышки режутся зубки

или же близнецы как раз учатся ходить. Конечно, мы не удовлетворялись подобными отговорками. Мой муж жаловался хозяину дома, каждую неделю, из раза в раз, и, наконец, чаша терпения переполнилась. Хозяин написал письма жильцам сверху и снизу и пригрозил им немедленным выселением. После этого всё сразу же стало лучше. Здешние квартиры не слишком дороги, а у этих молодых супругов совсем нет денег для переезда. Как они заставили детей замолчать? Ну, точно я этого не знаю. Я думаю, они крепко привязывают их к ножкам кроватей, так что дети могут только ползать. Это создаёт меньше шума. Вероятно, детям дают сильные транквилизаторы. Они больше не кричат и не ликут, а только лепечут ещё что-то про себя, совсем тихо, как во сне. Теперь мы снова здороваемся с родителями, когда встречаем их на лестнице. Мы даже спрашиваем, как дела у детей. Хорошо, отвечают родители. Почему у них при этом стоят слёзы в глазах, я не знаю.

№ 68. ПОСЛЕДНЯЯ КНИГА

Сегодня из школы ребёнок вернулся поздно. «Мы были в музее, – сказал он. – Мы видели последнюю книгу». Невольно я взглянула на длинную стену нашей гостиной, которую когда-то раньше закрывали полки, набитые книгами, и которая теперь была пуста и окрашена белым, чтобы новое плазменное телевидение могло проецировать на неё свои изображения. «Так, – произнесла я испуганно, – и что же это за книга?» «Ну, книга, – сказал ребёнок. – У неё есть переплёт, корешок и страницы, которые можно перелистывать». «И что же в ней напечатано?» – спросила я. «Но я же не могу этого знать, – сказал ребёнок. – Нам нельзя было её трогать. Она лежит под стеклом». «Жаль», – сказала я. Но ребёнок, вприпрыжку, уже исчез, чтобы заняться кнопками телевизора. Большая белая стена начала оживать, на ней показалось стадо слонов, бредущих в джунглях вброд. Тёмная река чмокала, туземцы-погонщики кричали. Ребёнок примостился на ковре и восторженно созерцал громадных животных. «Что же там могло быть внутри, – бормотал он, – в этой книге».

№ 70. ГОСПОДИН БОТТЕРЗАК

У господина Боттерзака чудный дом на природе, но он больше не испытывает настоящей радости от этого; у него коллекции ценных предметов искусства, но настоящей радости от них

больше нет. Существуют банды грабителей, состоящие из знатоков, можно сказать, из экспертов; у них есть каталог «La connaissance des arts», в котором постоянно публикуют репродукции знаменитых коллекций, там видели и сокровища господина Боттерзак. Господин Боттерзак уже давно установил связь с полицией, обзавёлся «тревожной кнопкой», которую его жена уже дважды по неосмотрительности задействовала, жутко завывали сирены, и пришлось иметь неприятные объяснения с полицией. Господин Боттерзак больше не отваживается уезжать, его персонал уволился, и теперь вечерами он больше не выходит из дома. По ночам ему не спится, он слышит странные шорохи, ведь сигнальное устройство тоже можно нейтрализовать, вор, а смотря по обстоятельствам, возможно, и убийца уже караулит за дверью. Возможно, после одной подобной ночи господин Боттерзак снимет телефонную трубку и потребует соединить его с директором музея. Временное экспонирование – трудновато; примите в дар, да, господи боже, и по возможности поскорее заберите всё из дома. Вскоре после этого господин Боттерзак, посвистывая, будет прогуливаться по своим опустевшим комнатам. Он сам себя подверг экспроприации, его взрослые дети ругаются, а он чувствует себя прекрасно.

Примечание

La connaissance des arts (франц.) – журнал по искусствоведению

№ 73. НА ЧТО МЫ ЕЩЁ СПОСОБНЫ

Что происходит, что будет, что, пожалуй, ещё может быть; однако мы такие вещи ещё ощущаем и переживаем, ещё ощущаем жестокость и жалеем, ещё ощущаем несправедливость и жалуемся, а ведь можно было бы представить такое время, когда мы передвигались бы безучастно, когда нас ничто бы больше не касалось, не досаждало бы нам, рядом с нами кричит умирающий, а мы и головы не поворачиваем, рядом с нами швыряют ребёнка об стену, а мы не испытываем ужаса. И, напротив, в каждом проявлении столь скромного участия, в каждом столь дешёвом сочувствии заложена, как кажется, искорка «золотого века». Нам ещё дано видеть, нам ещё дано слышать, мы ещё можем страдать, ещё любить.

Marie Luise Kaschnitz. «Steht noch dahin», Suhrkamp/taschenbuch 57, Insel-Verlag, 1970. – 89 S.

Валентина Тадэушевна ДВИНСКАЯ –

кандидат филологических наук, доцент,

член Российского союза германистов.

23 года работала на кафедре немецкого языка КГПИ

в качестве преподавателя и заведующего.

В 1993 г. перешла в Петрозаводский госуниверситет

на впервые созданную кафедру германской филологии,

где преподавала до 2010 г.

Автор около 70 работ,

посвященных различным аспектам немецкого языка.

В настоящее время, будучи пенсионером,

не оставляет общественной деятельности,

занимаясь с группами заинтересованных лиц в Национальной библиотеке.

В журнале «Север» публикуется впервые.

